

Стронин Александр Иванович

История и метод

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович С.**
История и метод / Стронин Александр Иванович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 453 с.

ISBN 978-5-519-75653-2

ISBN 978-5-519-75653-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Если мы оглянемъ все поле человѣческой дѣятельности, то глазамъ нашимъ представятся двѣ, совершенно непохожія другъ на друга, картины. Съ одной стороны мы увидимъ строителей зданій, мостовъ, фонтановъ, тоннелей, машинъ, телеграфовъ, желѣзныхъ путей, пароходовъ, аэростатовъ, громоотводовъ, артезіанскихъ колодезевъ и проч. и проч.; увидимъ, что всѣ они смѣло и самоувѣренно приступаютъ каждый къ своему дѣлу, что всѣ напередъ уже хорошо знаютъ, какія средства ведутъ къ предположенной ими себѣ цѣли, и что всѣ также, въ случаѣ неудачи, знаютъ, гдѣ и какимъ образомъ надо искать разъясненій и тотчасъ же могутъ найти, въ чемъ и почему была ихъ ошибка, а слѣдовательно, гдѣ и въ чемъ должна состоять и починка или исправленіе. Съ другой стороны мы увидимъ другихъ дѣятелей, увидимъ строителей обществъ, государствъ, учреждений, и увидимъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ приступить къ дѣлу своему смѣло и самоувѣренно, уви-

димъ, что ни одинъ не можетъ знать навѣрное, какія именно средства ведутъ къ его собственной цѣли, и что, въ случаѣ неудачи, ни одинъ не въ силахъ постичь, гдѣ и въ чемъ была его ошибка, и гдѣ и въ чемъ должно быть исправленіе; все это дѣлается въ видѣ реформъ, постолпно, но все это дѣлается оцущью, наугадъ, въ видѣ опыта, и на каждый изъ такихъ вопросовъ постоянно возможны два совершенно противоположныхъ отвѣта, смотря потому, къ какой сторонѣ съ этимъ вопросомъ обращаются. Тамъ, между инженерами, машинистами, механиками, технологами, лаборантами партій нѣтъ, а есть только знающіе и незнающіе, причеъ, если они знаютъ, то знаютъ одно и тоже, однимъ и тѣмъ же образомъ, такъ что во множествѣ вещей, и при томъ именно главныхъ, основныхъ, они совершенно согласны, и если расходятся, то развѣ только въ способахъ приложенія, въ подробностяхъ; здѣсь, между людьми государственными, политиками, правителями, мыслителями, гражданами знающихъ и незнающихъ собственно нѣтъ, а есть только прогрессисты и ретрограды, либералы и консерваторы, правые и лѣвые, причеъ каждый приписываетъ знаніе себѣ и незнаніе противнику, и причеъ оба несогласны ни въ основаніяхъ, ни въ подробностяхъ и расходятся по всякому вопросу, какой бы предложенъ имъ ни былъ; а если въ чемъ нибудь и сходятся оба, то развѣ только въ томъ, что обществомъ можно верить по произволу, а не такъ какъ природой, можно и отбросить его назадъ на сколько угодно и на сколько

угодно поднять въ облака, чего никакъ не думаютъ о о природѣ. Откуда же такое радикальное различіе двухъ дѣятельностей?

Если мы оглянемъ все поле человѣческаго знанія, то увидимъ также двѣ, совершенно отдѣльныя и совершенно непохожія одна на другую, группы: группу наукъ математическихъ и естественныхъ и группу наукъ общественныхъ и философскихъ. Различаясь между собою по содержанію, онѣ еще больше различаются какъ по количеству, такъ и по качеству своему. Съ одной стороны передъ нами ариѳметика, алгебра, геометрія, физика, астрономія, химія, геологія, естественная исторія, физиологія, анатомія и т. д. со всѣми ихъ безчисленными развѣтвленіями и приложеніями, дающими въ нашихъ университетахъ жизнь цѣлымъ тремъ факультетамъ; съ другой стороны всего только пять наукъ: географія, статистика, исторія, политическая экономія и лингвистика, науки, которыхъ не достало бы на прозябаніе и одного факультета, еслибъ не догрузили ихъ балластомъ языковѣдѣнія и юриспруденціи. Но еще важнѣе различіе въ самомъ качествѣ этихъ двухъ группъ. Въ первой изъ нихъ толпятся науки, которыя давнымъ давно уже перестали быть однимъ собираніемъ матеріала, однимъ описаніемъ подлежащихъ явленій, и давно уже начали строить, начали обобщать эти явленія, добывать ихъ законы и по этимъ законамъ предусматривать ихъ' (что одно только и сообщаетъ знанію достоинство истинной науки), причемъ каждая изъ нихъ успѣла уже вырвать у природы

*

не одну и не двѣ изъ ея тайнъ. Во второй группѣ все еще науки, которыя и до сихъ поръ поглощены одной черной работой, которыя только еще надумываются закладывать зданія, и изъ которыхъ ни одна еще не можетъ похвалиться ни однимъ почти прочнымъ обобщеніемъ, ни однимъ несомнѣннымъ и безспорнымъ закономъ, ни одною вырванною у природы и обществъ тайною. Говоря строго, мы имѣемъ до сихъ поръ всего одну только науку изъ числа историческихъ или, точнѣе, общественныхъ,—это грамматика: только она одна состоитъ вся изъ законовъ, а не однихъ примѣровъ, какъ всѣ другія. Географія же идетъ къ тому только со времени Риттера, статистика только со времени Кетле, собственно же такъ называемая исторія еще позже, съ Бовли; экономія, хотя пошла къ этой цѣли и ранѣе другихъ, но и до сихъ поръ неуспѣла еще установиться прочно и утвердиться окончательно. О прочихъ же наукахъ второй категоріи и говорить нечего: юридическія, наприкладъ, хотя уже со времени Савиньи и Эйхгорна знаютъ, что законы должны быть и у законодательствъ, но по пути этому не двинулись съ тѣхъ поръ ни на шагъ; философскія, хотя то и дѣло что ищутъ законовъ, и притомъ самыхъ всеобъемлющихъ, но хвалиться не могутъ и самыми узкими, эмпирическими; политическія пребываютъ въ состояніи полного естественнаго быта наукъ, какъ называетъ это состояніе вслѣдъ за Бэкономъ и Милль. Словомъ, о наукахъ историческихъ, политическихъ, юридическихъ и философскихъ, или, точнѣе, о всѣхъ этихъ

агрегатахъ знаній, а не наукахъ, и до сихъ поръ еще можно повторять то, что объ одной изъ нихъ говорилъ въ свое время Риттеръ: „только распознаваніе отношеній цѣлаго, говорилъ онъ, ведетъ къ наукѣ, а не описаніе частей... Такъ называемыя руководства, очерки, начала нашей науки, содержатъ въ себѣ только произвольную смѣсь, только схоластическіе отдѣлы, распредѣленные какъ бы по полкамъ; они содержатъ болѣе или менѣе того или другаго запаса матеріаловъ, но весьма рѣдко при этомъ встрѣчается систематическая связь въ содержаніи; въ сущности тутъ содержитсяъ лишь произвольное, бессмысленное и не методическое собраніе различныхъ достопримѣчательностей, встрѣчаемыхъ въ различныхъ странахъ земли... Если станемъ сравнивать содержаніе нынѣшнихъ нашихъ учебниковъ съ другими науками, далеко ушедшими впередъ, то легко замѣтимъ, что учебники эти содержатъ въ себѣ извѣстнаго рода знаніе, но не содержатъ науки и въ крайнемъ случаѣ заслуживаютъ развѣ только названія полной исторіи“. А вслѣдствіе такого состоянія соціальныхъ знаній нѣтъ и не можетъ быть и самой полезности ихъ. Кому, въ самомъ дѣлѣ, и какую принесли пользу всѣ эти наши исторіи, политики, философіи, правовѣденія? гдѣ тѣ книги у нихъ, изъ которыхъ вы могли бы получить извѣстныя правила для своей дѣятельности, какъ получаете ихъ изъ физики? что во всѣхъ этихъ грудахъ книгъ и фоліантахъ заключается иного, кромѣ сыраго матеріала? „Знать—это мочь, говорилъ Бэконъ: что въ

теоріи принципъ, дѣйствіе, причина, то въ практикѣ должно становиться правиломъ, цѣлью, средствомъ“. Откуда же почерпнуть намъ эти правила, цѣли, средства для практики соціальной? „Savoir pour prévoir“ есть единственный девизъ науки, формулированный ей Контомъ; но гдѣ же это предвидѣніе соціальное?

Въ результатъ этого-то отсутствія научности, этого беззаконія въ наукахъ общественныхъ и философскихъ, и выходитъ, то, что между тѣмъ какъ мы каждый день строимъ и мосты, и телеграфы, и рельсы, каждый день смѣло и самоувѣренно примѣняемъ то тотъ, то другой законъ естествовѣдѣнія природы, и такимъ образомъ природу эту обращаемъ въ вѣрную намъ рабыню, дѣйствующую хотя и по собственнымъ свойствамъ и склонностямъ, но въ то же время покорную намъ, — въ жизни общественной и индивидуальной мы не умѣемъ строить ровно ничего, хотя и строимъ ежедневно; не имѣемъ въ рукахъ своихъ ни одного закона изъ естествовѣдѣнія обществъ и человѣка, хотя и издаемъ законы поминутно; и такимъ образомъ остаемся до сихъ поръ рабами невѣдомаго для насъ естества общественнаго и нравственнаго, хотя и думаемъ, что повелѣваемъ ими. Мы находимся на этомъ пути совершенно въ томъ же положеніи, какъ и всякій слѣпой безъ проводника на дорогѣ: въ нашихъ законахъ искусственныхъ, налагаемыхъ нами на общество и на человѣка, мы можемъ только ощупью, только случайно попасть въ тактъ съ закономъ естественнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ собственной цѣлью

нашей; въ большей же части случаевъ мы, по всей вѣроятности, только мѣшаемъ, на сколько помѣшать можемъ, тамъ, гдѣ надо было бы только содѣйствовать естеству, и на оборотъ, только содѣйствуемъ ему тамъ, гдѣ для собственной цѣли нашей надо бы было противодействовать ему. Мы то и дѣло, на примѣръ, что хлопотали о томъ, какъ бы намъ сдѣлаться нравственнѣе, добрѣе, лучше, невиннѣе; заводили для этого и бичи, и темницы, и топоры, усвоивали всевозможныя вѣрованія, надежды, обѣты. всѣми силами философіи и кодексовъ доказывали красоту и полезность добродѣтели, не въ иномъ же намѣреніи какъ въ этомъ мы отравляли нашихъ Сократовъ, жгли Джіордановъ Бруно, предавали анаѣмѣ Галлилеевъ, и все это съ единственной цѣлью, чтобъ ихъ знаніе не деморализировало нашу нравственность... Но каково же должно быть положеніе наше, если вдругъ приходитъ человѣкъ и раскрываетъ намъ глаза на тотъ естественный законъ обществъ, что и къ самому совершенству нравственному ведетъ именно только развитіе знанія, и что первое можетъ быть только послѣдствіемъ втораго! Очевидно, что мы тратили время, жизнь и силы наши попусту; очевидно, что мы шли, по незнанію естества общественнаго, совсѣмъ не туда, куда сами же идти положили. Такъ человѣкъ, незнакомый съ естественными условіями электричества и отъ грозы спѣшащій укрыться подъ дерево, тѣмъ только больше, напротивъ, способствуетъ той самой опасности, какой именно хотѣлъ избѣжать.

Что же нѣсколько спасаетъ общества въ этомъ положеніи ихъ безсознательности и слѣпоты? Науки жить обществомъ нѣтъ, а между тѣмъ жили же люди обществами и живутъ, причемъ даже подъ часъ хорошо, т. е. достигая и собственныхъ пользъ, и собственныхъ цѣлей своихъ? Спасаетъ ихъ въ этомъ положеніи тоже, что хранить и животныхъ, когда онѣ, дѣйствуя также безъ самосознанія, дѣйствуютъ однакожъ цѣлесообразно: это цѣлесообразность пресмыкающагося, которое укрываетъ своимъ тѣломъ яйцо свое, хотя и ничего не знаетъ о значеніи теплоты для развитія зародыша,—это цѣлесообразность дѣйствій младенца, когда онъ руками отыскиваетъ грудь матери, хотя и не имѣетъ никакого представленія ни о груди, ни о рукахъ, — словомъ это инстинктъ въ точномъ смыслѣ этого слова, но только (не физиологическій, а соціологическій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ потому люди, напримѣръ, сходились въ общества, что знали напередъ всѣ благодѣтельные послѣдствія этого способа жизни, что они отдали отчетъ себѣ въ этомъ своемъ дѣйствіи, что привели къ сознанію историческій законъ общественности, котораго и мы сами еще къ сознанію не привели? нѣтъ, просто потому, что жить обществомъ чувствовалось имъ какъ-то лучше, какъ-то уютнѣе, и даже просто потому, что ихъ тянуло въ общество, какъ тянетъ ребенка къ сосцамъ матери. Такимъ же только инстинктомъ общественнымъ могли до сихъ поръ управляться люди и во всѣхъ прочихъ своихъ движеніяхъ и стремленіяхъ: ощущать, что для нихъ

пріятно и что непріятно, они всегда умѣли, а потому и инстинктъ ихъ, на сколько онъ включаетъ въ себя цѣль, а не средство, всегда могъ быть вѣренъ; но совсѣмъ другое дѣло ~~ее~~ средствами, и потому сколько пужно было каждый разъ ошибокъ, блужданій, ощупываній въ потемкахъ, прежде чѣмъ общество успѣвало придти туда, куда придти ему захотѣлось. А такое достиженіе своихъ цѣлей далеко конечно не свидѣтельство самосознанія общества, иначе мы должны бы были приписать это послѣднее и мухѣ, которая, попавъ въ открытый сосудъ, успѣваетъ потомъ выбиться изъ него обратно: она дѣйствительно выбивается, рано или поздно, и изъ сосуда выползаетъ; но это случается вовсе не потому, что она смогла обозрѣть вдругъ все пространство западни своей и замѣтивъ на немъ точку отверстія, направилась прямо къ нему; нѣтъ, горизонтъ ея зрѣнія слишкомъ для этого узокъ, и она должна была десять разъ исползать всѣ и каждую изъ стѣнокъ сосуда взадъ и впередъ, десять разъ пройти мимо, подъ самымъ отверстіемъ, прежде чѣмъ успѣла наконецъ набрести прямо въ него. Правда, по дорогѣ отъ инстинкта къ знанію, есть одна переходная ступень, которая въ жизни общественной повидимому даже и господствуетъ,—это мнѣніе, но мнѣніе есть ни что иное, какъ инстинктъ мотивируемый, оправдываемый какими нибудь аргументами, или, пожалуй, онъ есть знаніе, но знаніе частное, а не всеобщее, истина субъективная, а не объективная, и до тѣхъ поръ, пока опорой мнѣнія не будетъ знаніе положительное, научное, до тѣхъ

поръ опорою этою будетъ въ концѣ концовъ все-таки только инстинктъ, къ которому каждое мнѣніе рано или поздно и возвращается. Вотъ положеніе общества человѣческаго какъ общества: какъ цѣлое; оно все еще стоитъ на ступени только животнаго; человечество все еще живетъ такъ же, какъ и рой пчелъ или муравьевъ; міръ все еще управляется не сознаніемъ, а только мнѣніемъ, и даже не мнѣніемъ, а только инстинктомъ.

Положеніе это, тяжелое и оскорбительное, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, однакожъ, становится и понятнымъ, и вслѣдствіе того, невыносимымъ. Лучшіе, здоровые, жизненные инстинкты обществъ заговариваютъ все громче и громче; прошедши и степень ощущеній, и даже самую ступень мнѣній, они все ближе и ближе подвигаются къ истинѣ и къ наукѣ; въ наши времена они иногда до такой уже степени чутки, что возвышаются до возможности предсказаній общественныхъ, какъ напримѣръ въ Махиаелли, въ Бэконѣ, въ Вольтерѣ, въ Бореѣ, въ Токвиллѣ; но, оставаясь все таки только предчувствіями, только прозрѣніемъ личнымъ и болѣе или менѣе непосредственнымъ, и убѣдительные только для себя, но не для другихъ, они обязаны и пребывать въ формѣ только мнѣній, не обращаясь въ истины, въ формѣ истинъ личныхъ и непосредственныхъ, не обращаясь во всеобщія и научныя. А при такомъ ихъ качествѣ имъ имѣютъ все право противопоставлять себя и всѣ инстинкты болѣзненные, инстинкты природы извращенной то прошедшимъ, то настоящимъ воспитаніемъ историческимъ, инстинкты, кото-